

М.В. Нащокина

РУССКАЯ УСАДЬБА — ВРЕМЕННОЕ И ВЕЧНОЕ

*«Во славу и честь Державы Российской...»
Несрочная весна. И.А. Бунин*

*«Искусство... носит в себе символ, —
отражение Вечного во временном».
От редакции // Золотое руно, М., 1906, № 1, с.2.*

*«Надо, чтобы Россия осталась хоть в памяти».
Д.С. Лихачев*

Порассуждать сегодня о вечном в русском культуре и её наследии, кажется, подталкивает само время, слишком скоро и без видимого сожаления расстающееся со многими материальными свидетельствами прошлого. Не побоимся трюизма о временности сущего, процитировав гениальные строки умиравшего Гаврилы Романовича Державина, как приговор не оставляющие надежд любой, увы! — как и всё, переходящей творческой деятельности: «А если что и остаётся под звуки лиры иль трубы, то вечности жерлом пожрётся и общей не уйдёт судьбы». И всё же художник, особенно большой художник, да и любой созидатель человек, несомненно думают о сроках жизни своих творений. Думаем об этом и мы, оценивая сокровища, которые оставила история нашей и мировой культуры. Уходят цивилизации, культуры, стираются в памяти людей тысячелетия... И всё же что-то остаётся. Это вечное?

Вечность — категория горного мира, часто используемая в литературе, но от этого не становящаяся ближе и понятнее. Конечно, вечность как таковая непостижима для нашего разумения, но есть качества или черты, существующие в рамках исторического времени неопределённо долго, которые можно условно отнести к проявлениям «вечного» в окружающей нас переменчивой реальности. А потому в отношении любого крупного явления в истории и культуре народа, страны, постигая его истоки и сущность, тайну его рождения и бытования в народном миропонимании можно говорить о вечном, вернее, об относительно вечном.

«Время боится пирамид», но «русское время» первой половины XX века не испугалось гибели усадебной культуры, культуру которую можно было во многих отношениях идентифицировать с культурой имперской России в целом. Гибель усадеб лишь отразила, как в зеркале, трагический уход с исторической сцены их владельцев — уникального слоя высоко образованных, воспитанных на идеалах долга и чести, благородных и бескорыстных, преданных своей родине людей, которые, по

сути, и были главным достижением русской культуры за всё время её существования. Эти события, вселенский масштаб которых до сих пор ещё не осознан во своём абсолютном апокалиптическом многообразии, навсегда останутся точкой отсчёта (начальной или конечной?) для истории национальной культуры и подобием непостижимого философского камня для всех её исследователей.

Сегодня, как и сто лет назад, мы можем повторить вслед за первым ярким исследователем усадебной культуры Николаем Врангелем: «Страшно, когда рушится веками созданная культура, когда чувствуется разложение родовых основ»¹. Это ощущение было уже в первом десятилетии XX века столь реальным, что осмысление наступающего разрушительного катаклизма началось даже раньше 1917 года — предвестником грядущего крушения стала реакция деятелей культуры на бессмысленные варварские разрушения усадеб в 1905 году. Барон Врангель, столкнувшись тогда с утратой нескольких дивных произведений усадебной культуры, пришел в отчаянье. Его чувство прекрасного было оскорблено — как может подняться человеческая рука на картины, книги, фарфор, инкрустированную мебель? Но на его глазах в 1905 году погибли лишь некоторые хрупкие рафинированные создания, в огне Октябрьской революции усадебная Россия уничтожалась тотально. Даже память о ней, по мысли ее разрушителей, должна была умереть.

В докладе, посвященном 12-ой годовщине революции 1905 года, В.И. Ленин откровенно высказался по этому поводу: «Крестьяне сожгли до двух тысяч усадеб и распределили между собой жизненные средства... К сожалению, крестьяне уничтожили только пятнадцатую долю общего количества дворянских усадеб, только пятнадцатую часть того, что они *должны* (курсив В.И. Ленина) были уничтожить... Крестьяне действовали недостаточно наступательно, и в этом заключается одна из коренных причин поражения революции». Следуя варварской логике этого провоцирующего утверждения, нетрудно заключить, что следующая революция, а следом за ней жестокая диктатура, беспощадная борьба с религией, коллективизация и другие «плодотворные» инициативы с лихвой наверстали упущенное и полностью воплотили ленинские предначертания в жизнь.

Проницательный Бунин, немало размышлявший над извечными «загадками» русской души, очень точно заметил: «Разрушает «старую жизнь» во время революций не презрение народа к ней, а как раз наоборот — острая зависть к ней, жажда её». Зависть крестьян и рабочих к господской жизни несомненна, связанная с ней ненависть к усадьбам и их владельцам, безжалостное уничтожение их сокровищ — библиотек, произведений искусства, построек — это печальный, но знаменательный и поучительный факт русской истории. Прав был Г.К. Лукомский, горько заметивший в эмиграции: «Класс помещиков был автором художественной картины огромной красоты, картины, именуемой: усадьба. (...) забыто было только одно: необходимость приучить крестьян к сознанию ценности усадьбы, добра, благополучия и, особенно, собрания художества!»²

Эти печальные размышления стали особенно злободневными в России в последние десять-пятнадцать лет, когда перед глазами ныне живущих, тех, кто понимает и переживает происходящее, предстала поистине грандиозная картина крушения ци-

визации, правда, не какой-то исторической или чужой, а собственной. Хотя начало этому процессу было положено ещё революцией, на нашу долю досталось тоже немало. Захват Рима варварами и скоротечный упадок его высочайшей культуры, его «варваризация», оказались неожиданно чрезвычайно близки и понятны. Поневоле задумаешься, что же вечно в русской культуре, что в итоге нескончаемых социальных и геополитических катаклизмов сохранится от нее?

В последнее десятилетие Россия быстро, в определенном смысле даже быстрее, чем прежде, теряет свое историко-архитектурное достояние. Это касается не только столиц, в центрах которых под лукавым прикрытием необходимости реконструкции начался практически тотальный снос сооружений конца XVIII — начала XX веков. Это заметно и в провинциальных городах, обнищавших и потерявших реальные возможности поддерживать ветшающие историко-архитектурные памятники любого ранга, это касается и остатков усадебных ансамблей, еще во множестве разбросанных по всей территории Центральной России.

Наступило и стремительно понеслось третье тысячелетие. Что же осталось сегодня от тысяч и тысяч русских усадеб? Осталось ли? Всё в русской усадьбе, как-будто бы оказалось временным. Те десятки уцелевших после революционных бурь усадебных ансамблей, особенно в провинции, долгие советские годы служивших санаториями, домами отдыха, пионерскими лагерями и т.д., в годы «перестройки» в большинстве своем оказались без средств к существованию, опустели и были скоро заброшены. Среди сохранившихся — единицы, пережившие тяжелые 1990-е годы в прежнем качестве. В центральных областях страны то и дело встречаются остовы деревянных усадебных домов с проваленными или сгоревшими кровлями, развалины давно оставленных каменных строений с пустыми глазницами окон, упавшими колоннами и разоренными печами, зарастающие старинные парки с прудами. Всё это по частям и в целом — относительно легкая добыча полчищ мелких грабителей и лакомый земельный кусок для растущего племени богатых дачевладельцев. Надо ли стремиться к сохранению этих искалеченных и изуродованных старинных усадеб, да и как сберечь хотя бы ценнейшие из них?

На этот вопрос нет прямого ответа, но есть относительный, достаточно ясный любому соотечественнику. Не нужно далеко ходить за примерами: уже многие годы закрыто на бесконечную из-за недостатка средств реставрацию подмосковное Архангельское — один из первых в стране богатейших усадебных музеев, очевидная часть национального достояния. А рядом расположенное Никольское-Урюпино, которое так естественно было бы видеть в составе музейного комплекса Архангельского — памятник, который можно смело отнести к мировому наследию, фактически полностью уничтожен в конце 1990-х-начале 2000-х годов небрежением дикого полуграмотного «новорусского» арендатора и равнодушием чиновников. Что в этой связи скажешь о сбережении провинциальных шедевров усадебной архитектуры — допустим, о куракинском Надеждине или голицынской Зубриловке в Пензенской области? А менее известные усадьбы, что ждет их, или их время ушло вместе с навсегда потерянной аристократической русской культурой? А может быть и судьба русской усадьбы

в том, что ей суждено так бесследно исчезнуть из мира материальной культуры вместе с ее забытыми ныне создателями и сохраниться лишь в форме нескольких нетленных литературных образов. Ведь пока существует наш народ, в его памяти наверняка будут жить усадьбы «Войны и мира», «Дворянского гнезда», «Дома с мезонином» и «Темных аллей». Они — вечные!

Приблизиться к пониманию «вечного» в уходящем усадебном наследии, думается, можно только всесторонне поняв, что такое русская усадьба. Как ни странно, ее феномен продолжает оставаться относительно малоизученным. Причем от исследования ускользает как раз то, что составляло самую суть нашей усадебной культуры — ее синтетичность и целостность, соприродность бытию русского человека.

Казалось бы, начало, середина и конец XX века предоставили нам достаточно широкий спектр представлений о том, что же есть русская усадьба. От намеренно гротесковых и псевдореалистичных советских характеристик, в которых она — юдоль безграничного произвола помещиков и непосильного, рабского труда крестьян, до восторженного любования ею в начале века и в его последние годы как идеальной обителью «трудоу и вдохновенья», таким русским «земным раем». В эти, фактически, необъятные координаты можно уложить и все остальные более трезвые и взвешенные суждения. Однако, в последние годы глобальных и во многом катастрофических для народа и его культуры общественных перемен именно в представлениях об усадьбе, обнажились какие-то ранее неведомые, ускользавшие или скрытые черты национального сознания и культурного бытия. Именно они сделали усадьбу вновь интересной и притягательной для образованной части общества, причем не только как музейный экспонат или вместилище произведений искусства, а шире — как неотъемлемую и даже коренную часть русской культуры, в которой закодированы все её специфические бытийные особенности.

Сама история изучения русской усадьбы, постепенно, не сразу раскрывавшей свои художественные сокровища и удивившей в глубины народной психологии и быта, весьма поучительна, и заслуживает того, чтобы наметить ее содержательную канву. Кратко напомним этапы «узнавания» русской усадьбы по отечественной историографии.

Тонкие, пионерские для своего времени искусствоведческие сочинения барона Николая Врангеля, первым проехавшего по просторам России в поисках усадебного искусства и представившего широкому читателю начала XX века несколько дивных архитектурных ансамблей и шедевры еще никому тогда неизвестных усадебных коллекций, содержали первые оценки и заложили основы отношения к искусству русской усадьбы не только до-, но и послереволюционного периода. Советскую историографию вполне устроила его трактовка ещё в целом непознанного пласта русской усадебной культуры как некоторого числа штучных памятников высокого стиля царствований Екатерины Великой или Александра Благословенного, исчезнувшего и забытого задолго до 1917 года по небрежению и косности русской аристократии и буржуазии. В рамках этой концепции по истории и архитектуре русской усадьбы было создано большинство серьезных научных книг, посвящённых отдельным, как правило, музеефицированным усадьбам и общим исследованиям по её архитектуре³.

Каковы же содержательные открытия в изучении русской усадьбы за советские более полувека (с 1920-х годов)? Как ни удивительно, их немало. Именно в советский период усадьба была впервые осмыслена как архитектурный ансамбль и в этом качестве попала во все истории русского искусства и архитектуры. Устоявшийся ряд шедевров усадебного искусства — Петергоф, Павловск, Останкино, Кусково, Архангельское, — убедительно обнаруживал чарующую сложность и многогранность, связь с природной средой, умение создавать совершенные садово-парковые композиции. Синтез искусств, по справедливости, стал в этот период едва ли не главной чертой русской усадебной культуры, мимо которой не прошел ни один из ее исследователей.

Безусловно важной стороной советских изысканий стало последовательное утверждение самобытности русского усадебного искусства. Если барон Врангель увидел в нем, в основном, боковые побеги могучего дерева западноевропейской культуры, советские последователи сумели показать его отечественные корни, интерпретировать усадьбу как плод национального по форме и содержанию искусства, созданного трудом крепостных. Некоторый перегиб в акцентировании творчества крепостных, выразившийся в довоенных публикациях и музейных экспозициях (например, в Останкине), в общем-то, вполне извинителен, поскольку позволил все же осветить тему, весьма значительную для русской усадебной культуры и до того просто не исследованную. Постепенно, по крупницам расширялись сведения и о владельцах имений — этой важнейшей составляющей усадебной самобытности. Две темы-отдушины позволяли даже в самые глухие годы сталинизма заниматься изучением истории русского дворянства — это Пушкин и декабристы. Вряд ли стоит напоминать, сколь много было сделано советскими историками литературы и искусства в этих направлениях.

Казалось, усадьба навсегда заняла свое скромное место в истории и получила объективную, идеологически выверенную оценку, обозначившую несколько достойных внимания архитектурно-художественных ансамблей — творений рук крепостных мастеров, и литературно-художественных гнезд. Но «оттепель» 1960-1970-х годов вновь открыла дорогу широкому общественному интересу к отечественной истории, и неизбежная ограниченность усадебного изучения, вызванная идеологическими препонами стала отходить на второй план. Расширявшаяся реставрационная деятельность, охватившая тогда лучшие подмосковные усадьбы, вовлекала в научный оборот всё новые и новые памятники, имена владельцев и зодчих. Накапливался новый, зачастую неожиданный и разносторонний материал, наглядно показывавший поразительное богатство вариаций архитектурных и садово-парковых усадебных ансамблей. Начатая в те годы работа по созданию охранных зон и зон регулирования застройки вокруг некоторых знаменитых усадеб⁴ впервые заставила говорить об окружающем их ландшафте как неотъемлемой части целого.

Постепенно стали раздвигаться и временные рамки изучения усадебного искусства, до того ограниченные Великой реформой 1861 года. Становилось совершенно ясно, что феномен русской усадьбы оставался жизнеспособным и развивался и после реформы, в конце XIX — начале XX века. Спустя почти столетие, в конце 1970-х годов советские историки искусства впервые обратились к изуче-

нию этих поздних памятников, чему способствовал и общий интерес к русскому искусству периода капитализма, о котором тогда появилось несколько первых значительных монографий⁵. И, хотя в известный каталог «Памятники архитектуры Московской области»⁶ усадебные комплексы и строения этого времени так и не вошли, все же круг усадебных памятников расширился.

Это расширение, само по себе закономерное и объективно отражавшее реалии русской культуры, таило неизбежный мировоззренческий переворот — усадьба явно перерастала отведенные ей границы локального явления феодальной культуры, ушедшей в прошлое, незаметно превращаясь в один из самых существенных и неотъемлемых элементов жизни и быта не только «от Петра до Царя-Освободителя», но на протяжении всей русской истории. Закономерно появление в 1980-е годы работ, начинавших постепенно скреплять разорванные нити отечественной культуры, выявляя связь усадьбы с другими распространенными формами загородного жилья — дачей, загородным домом или виллой⁷.

Известный историк искусства Врангель, находясь под обаянием художественной завершенности русской усадьбы, уже в начале XX века сетовал на утрату целостности их художественного мира. Мы же априори имели и имеем дело со случайными остатками усадебной культуры, ее восприятие нами заведомо мозаично. Почти век мы прожили на фоне усадебных руин, они вошли в наше сознание и нашу современную жизнь уже в этом качестве. К концу XX века мы вновь находимся на усадебном пепелище, остатки великой национальной культуры, теперь уже действительно последние, исчезают на наших глазах. Это осложняет изучение, но это и само по себе может стать предметом исследований как показатель нашего отношения к красоте и собственной истории. За время, прошедшее с момента формальной кончины русской усадьбы в революционном смерче 1917 года, постоянно изменялось не только культурное и природное пространство, в котором продолжали существовать уцелевшие усадебные комплексы, но трансформировалось и общественное внимание к ним в соответствии с меняющимися жизненными реалиями. Острый, сострадательный интерес энтузиастов 1920-х годов — создателей первого Общества изучения русской усадьбы (ОИРУ), на глазах у которых произошел великий общественный разлом, стёрший с лица России многие чудесные черты ещё воочию зримой аристократической культуры, с годами преобразился в сугубо знаточеский — художественный или историко-архитектурный. Казалось, навсегда...

Начало перестройки, отбросив, наконец, все идеологические мотивировки и неизмеримо расширив исследовательские горизонты введением огромного документального и литературного пласта русского зарубежья, сразу вдохнуло в изучение русских усадеб новую жизнь. И не только в изучение — годы перестройки вернули усадьбе, как и многим другим культурным знакам имперского прошлого, и интерес чисто эмоциональный — в 1990-е годы гибель русской усадьбы была в сознании столичной культурной среды словно пережита заново, только уже в ненастоящем и камерном варианте.

Последнее десятилетие века, без преувеличения, выдвинуло усадьбу в ряд важнейших исторических, искусствоведческих, литературоведческих и культуроло-

ведческих тем. Появился, а теперь можно сказать и утвердился термин «усадьбоведение», переросший в последние годы в самостоятельную и обширную междисциплинарную область гуманитарного знания. У истоков этих перемен оказалось воссозданное в 1992 году⁸ Общество изучения русской усадьбы. Возрождённое кучкой новых энтузиастов, ОИРУ принялось как бы заново изучать усадьбу, возвращая присущее ей сложное социокультурное содержание, выхолощенное в советское время. Усадьба, за столетие почти исчезнувшая с некогда необъятных русских просторов, как это ни парадоксально, вновь оказалась актуальным предметом для изучения в натуре (доказательство тому — всё расширяющаяся география поездок ОИРУ с целью ознакомления с памятниками усадебного наследия) и размышления. Как оказалось, усадьба позволяет не только охватить прежние русские культурные реалии в их полноте, но вновь возвращает нас к осмыслению, породивших ее, социальных, имущественных и земельных отношений.

Девять научных сборников Общества, изданных с 1994 по 2003 год, сборник «Мир русской усадьбы»⁹, книга «Дворянские гнезда России. История культуры, архитектура»¹⁰ и несколько других изданий, объединив и оформив разрозненные усилия многих столичных и провинциальных ученых, наглядно отразили динамику современных усадебных исследований, становящихся все более тематически широкими и глубокими. Усадебная тематика в последние годы уверенно вошла во многие культурологические, литературоведческие и даже театроведческие труды¹¹. Она стала традиционной на самых разных по профилю конференциях по гуманитарным наукам, чему, кстати, способствует наличие немалого числа усадебных музеев-заповедников, организованных в советский период.

В работах последнего десятилетия можно выделить несколько новых, ранее мало изученных направлений, которые по сути сообщают усадьбе почти вселенскую значимость для отечественной истории и культуры. Теперь, как правило, ее рассматривают в более естественных и исторически правомерных временных параметрах — с периода Средневековья до начала XX века¹². Закономерное и все более пристальное внимание привлекают поздние усадьбы периода капитализма, владельцами которых была промышленная, банковская и торговая элита России — «русские Медичи»¹³. Причем сама усадьба теперь все реже рассматривается только как архитектурный ансамбль, и все чаще как мир (неслучайны одноименные названия трёх (!) книг 1990-х годов), особый микрокосм, полноценная в духовном, хозяйственном, культурном и экономическом отношении частица государства Российского, наделенная почти всеми его характерными чертами и признаками.

Заметное, в некоторых случаях даже доминирующее, место в современных исследованиях заняла тема просвещённого заказчика, о котором впервые заговорили не только как о владельце, но как о полноправном, а иногда и заглавном создателе усадебного ансамбля. Во многих работах была раскрыта их значительная роль в создании усадебных коллекций¹⁴, библиотечных собраний¹⁵.

Обрела, наконец, право на существование и разностороннее изучение проблема западноевропейских связей и влияний (например, палладианства),

позволяющая выявить действительную роль в создании русских усадеб многих западноевропейских архитекторов, живописцев, декораторов, мебельщиков, резчиков и т.д. В новом ключе, в этой связи, видится сравнительный анализ русских и западноевропейских усадеб.¹⁶

Существенно расширились исследовательские горизонты и у историков, впервые широко и без оглядок обратившихся к многогранной социальной стороне жизни усадеб, их хозяйственному комплексу, принципам ведения хозяйства, законодательному обеспечению усадебной жизни, благотворительности¹⁷. За десять последних лет изучения в фокусе внимания оказалась тема усадеб как культурных центров провинциальной России, вопросы рациональности и экономичности усадебных хозяйств разных типов и разных регионов, обогащения ландшафта в усадебном комплексе и т.д. Важнейшим аспектом изучения русских усадеб стала их интерпретация как части культурно-исторического ландшафта России¹⁸. Перспективность этой совершенно новой темы в изучении усадеб очевидна. В тесной связи с ней находится проблема исследования русского садово-паркового усадебного искусства, которое до сих пор недостаточно известно даже профессионалам. От многих усадеб сейчас сохранились только остатки парков, причем, не всегда описанные даже в документах Свода памятников (или описанные лишь схематично). В этом направлении предстоит ещё накапливать фактологический материал, чтобы выйти на новый уровень смыслового обобщения.

Все перечисленные аспекты познания феномена русской усадьбы, обозначившиеся особенно определенно в последнее десятилетие, безусловно, ее не исчерпывают. Спустя почти столетие после своего трагического заката, русские усадьбы, и помещичьи, и купеческие, казалось бы, поруганные и навсегда исчезнувшие, вновь привлекли внимание не только историков, но и широкие круги образованной части общества, ищущей и находящей в них какие-то, на первый взгляд, трудно уловимые знаки и связи с истоками и сутью национальной самобытности. Конечно, сейчас, как и в 1910-е и в 1920-е годы, перед ОИРУ и другими исследователями стоит задача зафиксировать, понять и оценить то, что чудом дошло до нас, но у усадебных исследований есть и более общие цели — по возможности точнее и глубже осмыслить и показать духовное значение усадебной культуры в истории России как коренной части отечественной культуры в целом. Показать, как можно более наглядно, для того, чтобы вновь затеплить в окружающей нас жизни стремление к созиданию и преображению земли по законам красоты, которое так ярко и полно проявилось в наших старинных усадьбах.

Понятие русской усадьбы в наши дни многократно расширилось и углубилось. Усадьба теперь не только воображаемое вместилище давно растерянных или утраченных раритетов, библиотек и коллекций, не только архитектурный ансамбль нередко, увы, уже виртуальный, не только часть утраченной нами высокой садово-парковой культуры, искусства, литературы, она — неотъемлемый элемент грандиозного по масштабам рукотворного ландшафта Центральной России, квинтэссенция ее уходящего в глубокое средневековье быта, полное и достоверное отражение национальной психологии и даже в своем жалком со-

временном состоянии... зеркальное отражение нашей сегодняшней духовной жизни, страдающей прежними и новыми пороками. И это лишь самое заметное из того, что сразу приходит в голову. Эти темы в усадебной историографии еще почти не раскрыты, но интерес к ним в ближайшее время, видимо, не угаснет — слишком связаны они с нашим самоопределением в мире и культуре.

ПЕРЕФРАЗИРУЯ ныне модную крылатую фразу Аполлона Григорьева, сказанную о Пушкине, усадьба — это наше всё. Продолжая эту параллель, заметим, что Пушкин, известный с детства каждому, тем не менее, будет бесконечно, «вечно» интересен нам, пока вообще существует книжная культура. Прикасаение к его творчеству — легко доступное каждому наслаждение, размышление о нём — пир самого взыскательного духа. В каком-то смысле, такова и усадьба. Любование ею общедоступно, познание неисчерпаемо так же, как непознаваем в своей полноте мир мыслей и чувств одного человека, что прекрасно доказывает пример Пушкина, неисчерпанного в течение двух столетий самых дотошных исследований. Можно относительно адекватно разобраться в усадебном хозяйстве, архитектурных предпочтениях той или иной эпохи, особенностях парковой эстетики, но познать до конца весь спектр усадебных ощущений во всем богатстве их культурных смыслов, свойственных эпохе и конкретному человеку нам, по-видимому, никогда не дано.

И все же, попробуем хотя бы наметить те, подчас трудно уловимые, национальные черты и ценности, которые воплощает усадьба.

МИРОПОНИМАНИЕ русского человека всегда исходило из его взаимоотношения с окружающим миром. Усадьба дарит своим обитателям особое чувство душевного покоя, рождала ощущение определённой замкнутости мира (чувство дома), цикличности идущего в нём времени. Всё это очень своеобразно соединялось с бескрайностью русских просторов, их, казалось, вечной былинной красотой, с присущими их обитателям душевными порывами к простору, свободе, воле... «Мы, земнородные, можем воспринять Красоту только в категориях красоты земной. Душа Земли — наша Красота»¹⁹, — писал Вячеслав Иванов. Сколько мечтателей родилось в усадьбах, сколько высоких мыслей и дерзких открытий, внешне не связанных с тесным семейным миром, наоборот — как бы раздвигающих его границы, оказались сотканы из усадебного воздуха.

Усадьба — это и конкретный родной дом и, шире, его умоглядный образ для многих поколений наших предков. «Но вот и липы кончились; я прошел мимо белого дома с террасой и с мезонином, и передо мною неожиданно развернулся вид на барский двор и на широкий пруд купальней, с толпой зеленых ив, с деревней на том берегу, с высокой узкой колокольней, на которой горел крест, отражая в себе заходившее солнце. На миг на меня повеяло очарованием чего-то родного, очень знакомого, будто я уже видел эту самую панораму когда-то в детстве»²⁰, — так чувствовал герой чеховского «Дома с мезонином».

Представление наших предков, далеких и недалеких, о мироздании чем-то напоминает матрёшку. Каждый из его последовательно убывающих по значению подобных элементов мыслился как устойчивая, иерархически устроенная центрическая структура. Вселенная, то есть весь мир в целом, оставалась геоцентрич-

ной — все в ней имело значение только в связи с земными реалиями. Русский земной мир был, безусловно, Россицентричным — события всей мировой истории и современные политические события интересовали людей лишь постольку, поскольку они затрагивали интересы и жизнь своей страны. В центре общественных интересов находился Император — помазанник Божий, императорский дом и связанные с ними события в жизни столиц, интересы провинциалов в губерниях империи вращались вокруг событий в губернских и уездных центрах. Наконец, интересы каждой семьи подчинялись интересам ее главы. В этой исторически сложившейся и, в принципе, очень разумной системе усадьба была центром замыкающей социальную иерархию жизни семейного клана (причём и помещичьего, и купеческого, и крестьянского!)

Усадьба — универсальная, устойчивая и оптимальная для России форма человеческого бытия, выработанная в течение столетий. Усадьбами — городскими или загородными владели, фактически, все сословия. Даже крепостные крестьяне, как известно, имели свои дома и дворы — тоже усадьбы, только миниатюрные. Разрушение усадебной и шире, всей связанной с нею крестьянской жизни нарушило прежде естественную «кровную» связь с окружающим ландшафтом, ощущение родного простора и привычную необходимость сбережения знакомых с детства или юности холмов, прудов, ручейков, полей и лесов... и ещё многого. В новой реальности русский человек, волей-неволей, сам необратимо изменяется. С этими, на первый взгляд, несущественными утратами неминуемо уходит то, что веками составляло отличительные народные черты — любовь к Отечеству, к отчужденному дому, своим корням, к скромному, но всегда чем-то особенному среднерусскому пейзажу, возвышенная, идеалистическая мечтательность, сентиментальность, гостеприимство, доброта и терпение к ближним...

Вспоминая усадьбы в эмиграции, один из бывших авторов питерского журнала «Аполлон». А. Трубинов писал: «В дворянских усадьбах сгустилась вся суть русской культуры; то были интеллектуальные теплицы, в которых распускались самые красивые цветы. Из них вышли Пушкин, Лермонтов, Толстой, Тургенев, Лесков, наши великие писатели, наши лучшие музыканты и поэты. Мы, вышедшие оттуда, любили эти дома с особой остротой. В нас жили туманные страхи. Ходили таинственные слухи о желающих погубить их вместе с нами, что вселяло предчувствие неизбежного бегства. (...) Если русско-византийская культура проявилась в богосносной красоте икон, то эволюция нашего общества после Петра проявилась вовсе не в архитектуре Царского Села или сокровищах, собранных Екатериной в Эрмитаже, а в рождении очень своеобразного и ни на что не похожего мира русских усадеб»²¹.

Русские усадьбы — эти необходимые в нашем неласковом к человеку климате «интеллектуальные теплицы», позволили в своем лоне зародиться и возрасти очень многим существенным для национальной культуры явлениям, которые трудно даже просто перечислить. Например, усадьбы несомненно имели огромное значение для развития и распространения в России искусств и ремесел — от простых, незатейливых до невероятно художественных. Они распространяли и поддерживали определенный уровень художественного вкуса, не давая опуститься

ему до откровенного кича или безграмотного примитива. Они стали стихийно формировавшейся художественной школой — крепостные мастера, а позднее и наёмные работники, нередко выполняли заказы усадебладельцев на усадебные постройки, живописные портреты чад и домочадцев, модную мебель — из ценных пород дерева или плетёную из лозы, резной и живописный архитектурный декор, тканые изделия, кружева, вышивки, обувь и многое, многое другое. Среди местного населения хозяева усадеб подбирали самодельных певцов, музыкантов, настройщиков, изготовителей и изобретателей музыкальных инструментов. Обычно помещики снабжали своих работников подходящими образцами — это могли быть западноевропейские или русские увражи и пособия с нужными изображениями. И талантливые самоучки выполняли заданное, порой, с невероятным искусством и прилежанием, порой, грубовато и неуклюже — по своему, в силу своего понимания и возможностей.

В усадьбах началось и археологическое познание страны. XIX и начало XX столетия сформировали особый феномен русской культуры «усадебную археологию», масштабы которой, особенно в центре России, были довольно велики. Владельцы среднерусских усадеб с энтузиазмом и прилежанием раскопали сотни курганов и десятки древних славянских городищ. Результаты этих, в большинстве своем, конечно, дилетантских, изысканий противоречивы, но они, несомненно, стали определённым и существенным этапом в познании собственного прошлого.

Что же теперь?

Русская усадебная культура в полноте своего бытия безвозвратно ушла в прошлое. Ушли ее носители и создатели, унеся с собой уклад жизни, неповторимый мир рукотворных вещей, атмосферу живого домашнего творчества, общения с природой, наконец, ни с чем не сравнимой «воли», — ощущение, знакомое каждому русскому, при взгляде на широкий простор земли, поля, реки. Горько сознавать, но, вероятно, безвозвратно ушел в прошлое и свод нравственных ценностей, породивший особую этику русской усадебной жизни. Впрочем, справедливости ради, стоит сказать, что мы далеки от их беспочвенной идеализации — усадебные этические ценности в целом вовсе не были безупречны. Непременность христианских заповедей (нарушаемых, но неоспоримых) и устойчивая семейная иерархия мирно соседствовали в них с самыми гротескными и уродливыми проявлениями крепостничества, поразительной глухотой к чувствам и нуждам прислуги, нередким презрением к крестьянам, равнодушным использованием их каждодневного труда. Погибшая русская усадьба унесла с собой из нашей жизни и эти реалии. Об их уничтожении страстно мечтали юноши и барышни не только в рассказах Чехова, но и в реальной России второй половины XIX — начала XX века: «Ведь будет же время, когда от бабушкина дома, где все устроено так, что четыре прислуги иначе жить не могут, как только в одной комнате, в подвальном этаже, в нечистоте, — будет же время, когда от этого дома не останется и следа и о нём забудут, никто не будет помнить»²².

Время это наступило, в нём мы и живем. Жаль только, что вместе с этой воюющей к совестиному сердцу несправедливостью из нашей жизни ушло много доброты, душевной отзывчивости, взаимопомощи и чуткости к красоте. Их сме-

нили частое равнодушие, подчас преступное, глухота к страданиям, а в последнее время и беззастенчивое ограбление страны и ее народа когортой «новых русских» усадебовладельцев. Князь Сергей Щербатов писал в своих воспоминаниях: «Сроки жизни и гибели, как и само время, относительны, и весь мир полон жалкими остатками бывшей красоты, ожидающей своего смертного часа. Страшно не это, как ни тяжелы минуты горечи, страшно другое, — что все более иссякают источники, могущие порождать красоту и искусство на развалинах прошлого. Исчезает чувство важной ответственности пред красотой и сознание вины пред уродством, как некоем преступлении пред тем, что веками почиталось за серьезное, ответственное и святое дело. Отмирает пиетет к художественному созданию и любовь, в него вкладываемая...».²³

Эти слова очень точно выражают взаимоотношения ушедшего XX века с русской усадьбой. Уродливые остовы оставленных усадебных домов, растаскиваемые на щебень и бревна строения, застраиваемые парки, спущенные пруды — все это корнем своим имеет не только преступное равнодушие, но и поразительную глухоту к красоте природы и искусства. Иван Бунин, выросший в усадьбе, мог сказать о себе так: «...я непрестанно чувствую, как тлеет, рвется самая последняя связь между мною и окружающим меня миром, как все больше и больше отрешаюсь я от всего и ухожу в тот, с которым был связан был я не только весь свой век, с детства, с младенчества, с рождения, но даже и до рождения: ухожу в «Элизей минувшего», как бы в некий сон, блистающий подобием той яркой и разительно живой жизни, в которой застыли мертвецы с лазурными глазами в пустом дворце в подмосковных лесах».²⁴

Бунин и поколение его современников в эмиграции и в России (даже в страшной реальности сталинских лагерей) еще могли мысленно удалиться в свой усадебный «Элизей минувшего» — мир неомраченного счастья бытия и познания, детских грёз и зрелых размышлений, мир любви — у каждого свой. Это была та единственная роскошь, единственная привилегия, которая у них осталась в наследство от прежней жизни, значение которой с годами росло, помогая переживать невзгоды. «И росло, росло наваждение: нет, прежний мир, к которому был причастен я некогда, не есть для меня мир мёртвых, он для меня воскресает все более, становится единственной и всё более радостной, уже никому не доступной обителью моей души!»²⁵ Увы, усадебные обитатели русской души давно исчезли. Не имеет смысла пытаться найти то, что, в той или иной степени, заменило их. Ясно одно — утратив целостный мир усадьбы как мир родного дома и детства, русский человек потерял очень многое.

Впрочем, само осмысление этих сторон нашего сегодняшнего или ушедшего в прошлое бытия на основе усадьбы — свидетельство «вечности» интереса к ней в рамках истории народа. Усадьба в её выработанной веками форме исчезла из жизни, но, вероятно, ещё долго будет важным предметом и элементом национального самопознания. Её несравненный универсализм, соединение духа и быта в самых привычных, каждодневных делах и мыслях, её поразительное свойство становится центром индивидуального мира, или, используя избитое, но верное выражение, «малой родиной» — то есть местом

прикрепления человека к земле, к безымянным, но единственно любимым российским речушкам, оврагам, полям и рощицам, к знакомым деревням, церквям, монастырям, городам, великим рекам..., к людям, наконец, делают ее необходимым ключевым звеном историко-философского постижения России, постижения, требующего теперь всё более серьезной душевной работы и воображения. Усадьба словно легендарный Китеж, который «по древнему поверью, ... лишь скрылся от глаз людских, когда подошли к нему полчища татар. Золотоглавые соборы и церкви превратились в холмы. И не город, а лишь отражение города в тихих водах озера могут увидеть «достойные»...»²⁶. Как и не сломленный духом Китеж, усадьба, теперь по большей части умозрительная, виртуальная — очень точный собирательный образ русского духа. Да, свои духовные врата она открывает не каждому, лишь зрячим — «достойным», но вход в них плодотворен — последние годы изучения с очевидностью показывают, что познание усадьбы позволяет внимательным исследователям приблизиться к самым сокровенным глубинам русской самобытности.

И всё же нельзя не сказать, что усадьба, вернее ее совершенно новая и пока предельно выхолощенная модель, вновь становится частью нашей текущей жизни. Жизнь на земле в согласии с ее годичным круговоротом, дающим столько разнообразных эмоциональных и мыслительных импульсов, возродилась в форме большого пригородного особняка-дачи со всеми городскими удобствами. Не забыты и старые полуразрушенные дворянские гнезда. Спустя сто лет, к рубежу XX и XXI веков, в преддверье принятия закона о частной собственности на землю и возможности купли-продажи памятников истории и культуры, усадьбы, вернее то, что от них осталось — развалины построек, парки, пруды и прекрасные рукотворные ландшафты, всё чаще предстают в глазах новоявленных богачей в качестве престижного и дорогого товара. Появилось уже немало желающих украсить своё, по большей части, увыл — несправедное бытие незаслуженной усадебной декорацией. Станут ли эти новые усадебные гнезда средоточием свободных художеств и приютом вдохновения? Зародится ли в них новые поколения мечтателей и поэтов?

Прагматично-коммерческий интерес к усадьбе — знак нашего времени. Трудно сказать, принесут ли законодательные нововведения добро ценному архитектурному усадебному наследию — пока слишком необразованны и алчны те, кто хочет им завладеть, эта среда пока не выдвинула своих Медичи. Впрочем, сам по себе этот факт, вопреки течению эсхатологической Реки времен, неумолимо поглощающей все на своем пути, реально продлевает жизнь усадеб в русской культуре и даже обозначает какие-то неясные перспективы их существования в будущем. «Второе пришествие» русской усадьбы, если оно произойдет, невольно заставит переоценить её значение в истории России и вновь задать вопросом, что же в её социальном и культурном феномене оказалось временным, а что «вечным», продолжающим, несмотря ни на что жить и развиваться.

В заключение вновь хочется вспомнить слова Н.Н. Врангеля: «И опять длинной вереницей вспоминались из старых книг описания прежних людей, прежней России. Так же как прежде, бежали вдаль дороги и реки, так же шумели леса и на небе смеялось солнце, и мечтала луна, и дрожали звезды — все то же, что было столетия. В нерушимой своей красоте осталась природа великая и вечная; и если сгорели деревья Троицкого²⁷, то вырастут новые и еще лучше. Но, Бог весть, создастся ли на старых пепелищах новая, радостная и красивая жизнь...»²⁸ Этот вопрос волновал многих русских мыслителей XX века. Михаилу Пришвину хотелось верить в оптимистичный исход, и он писал: «...потом непременно русские люди сойдутся и восстановится начатая нашими отцами культура»²⁹. Так ли это? Ответ на это вопрос сокрыт и в судьбе русской усадьбы. Будущее покажет, «вечен» ли в России усадебный образ жизни...

«Всё начинается и совершается здесь и продолжается в вечности...»³⁰

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Н.Н. Врангель. Помещицья Россия // Н.Н. Врангель. Старые усадьбы. Спб., 1999. С.133.
2. Лукомский Г.К. Старые годы. Берлин, 1923. С. 77,101.
3. Последним в этом ряду стало роскошное издание «...в окрестностях Москвы» (М., 1979), серьезно расширившее содержательные границы усадебного феномена за счет нетривиального иллюстративного ряда.
4. В качестве примера можно привести работы ВПНРК (сейчас ЦНРПМ) 1970-1980-х годов по созданию системы охранных зон вокруг усадеб Гребнево, Фили, Шахматово и т.д.
5. Имеются в виду книги Е.И. Кириченко, Е.А. Борисовой, Т.П. Каждан, В.В. Кириллова и других.
6. Вышел первым изданием в издательстве «Искусство» в 1975 году.
7. Здесь следует упомянуть статью Г.Ю. Стернина «От усадьбы к даче», статью М.В. Нащокиной «Дачные поселки (второй половины XIX — начала XX вв.) // Сельские поселения России. Исторический и социокультурный анализ. М., 1995, С.137-157; Неоклассические усадьбы Москвы // Русская усадьба. Сборник ОИРУ № 3 (19). М., Ворон, 1997. С.55-74; и нек. др.
8. ОИРУ было воссоздано в 1992 году по инициативе группы энтузиастов во главе с доктором исторических наук Л.В. Ивановой и академиком РАН Д.С. Лихачевым.
9. Подготовленное совместно с Институтом российской истории РАН, оно было издано в Москве в 1995 году.
10. Под ред. М.В. Нащокиной; М., 2000.
11. Например — книга В. Шукина «Миф дворянского гнезда. Геокультурологическое исследование по русской классической литературе». (Краков, 1997), книга Е. Дмитриевой и О. Купцовой «Жизнь усадебного мифа: Утраченный и обретенный рай» (М., 2003).
12. Так написаны очерки в упомянутой книге «Мир русской усадьбы», так построены книги «Архитектура русской усадьбы» (Под ред. Н.Ф. Гуляницкого; М., 1998) и «Дворянские гнезда России. История, культура, архитектура».

13. Ей посвящены многие материалы последних сборников ОИРУ и недавняя монография Т.П. Каждан «Художественный мир русской усадьбы» (М., 1997).
14. Работы А.И. Фролова.
15. Работы Г.Д. Злочевского.
16. Работы М.Б. Михайловой.
17. Эти вопросы вошли в капитальный труд по истории русской усадьбы, подготовленный Институтом российской истории РАН.
18. Этому посвящены работы нынешнего председателя ОИРУ Ю.А. Веденина.
19. Иванов Вячеслав. Лик и личины России. Эстетика и литературная теория. М., 1995. С. 63.
20. Чехов А.П. Дом с мезонином. Рассказ художника. (1896 г.) // Там же. С. 90.
21. Трофимов Андрей (Александр Трубников). От Императорского музея к Блошному рынку. М., 1999. С. 116.
22. Чехов А.П. Невеста (1903 г.) // Чехов А.П. Собр. Соч. Т.8. М., 1956. С. 506.
23. С. Щербатов. Художник в ушедшей России. М., 2000. С.385.
24. И.А. Бунин. Несрочная весна. / И.А. Бунин. Собр. Соч. Т. 4. С. 273.
25. Там же. С. 274.
26. Гиппиус З.Н. Арифметика любви. Неизвестная проза 1931-1939 годов. СПб., Ростов, 2003. С.17.
27. Усадьбы княгини Е.Р. Дашковой в Калужской губернии.
28. Н.Н. Врангель. Помещицья Россия. // Н.Н. Врангель. Старые усадьбы. Спб., 1999. С. 169.
29. М.М. Пришвин. Дневник. Декабрь 1940 г. // Цит. по: М.М. Пришвин, В.Д. Пришвина. Мы с тобой. Дневник любви. СПб., 2003. С. 230.
30. Там же.